

Личность и толпа: исследования стихийных объединений в дореволюционной российской педагогической психологии

Д. С. Горбатов¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9

Сведения об авторе:

Дмитрий Сергеевич Горбатов

e-mail: gorbатов.rus@gmail.com

SPIN-код РИНЦ: 2959-0458

ScopusID: 17345405900

ResearcherID: K-8629-2013

ORCID: 0000-0002-5232-6083

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-013-00302.

© Автор (2020).

Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена.

Аннотация. В статье рассматривается влияние первых теорий толпы на развитие отечественной педагогической психологии дореволюционного периода. Целью исследования стала историко-психологическая реконструкция интерпретаций учеными того времени взаимоотношений личности и толпы в контексте осуществления педагогических воздействий. Показано, что целый ряд авторов, в частности, И. Иванов, П. Ф. Каптерев, Е. И. Лозинский, сочли неоправданными распространенные научные представления о «преступной природе» толпы, не согласились с постулатом о падении уровня интеллекта и морали в стихийных социальных объединениях, высказали возражения против неизменно негативной трактовки образов вожаков. В то же время идеи Н. К. Михайловского, С. Сигеле, Г. Тарда и Г. Лебона подтолкнули педагогов и психологов к попытке применения концептов массового подражания, внушения, заражения и, отчасти, стадного инстинкта в деле решения задач по воспитанию молодежи.

В частности, они высоко оценили перспективы перехода педагогического воздействия из прежней парадигмы индивидуальных отношений с «изолированными» учащимися к комплексному анализу межличностных и групповых взаимодействий в школьной среде. Специфика взаимности социального влияния субъектов педагогического процесса, свойства ученической толпы, характерологические особенности ее вожаков, влияние на личность в толпе, принципы управления толпой, противодействие массовой агрессии, содержание и условия воспитания подлинных лидеров – таковы вопросы, интересовавшие российских педагогических психологов того времени. Подчеркивается, что нарушение преемственности в развитии психолого-педагогических идей конца XIX – начала XX веков, имевшее место в годы Советской власти, сыграло негативную роль для системы отечественного образования.

Ключевые слова: первые теории толпы, вожаки толпы, управление толпой, личность в толпе, российская педагогическая психология, развитие личности, толпа и проблемы воспитания.

Individual and crowd: Spontaneous associations in pre-revolutionary Russian educational psychology

D. S. Gorbatov¹

¹ Saint-Petersburg State University
7-9 Universitetskaya Emb., 199034 Saint Petersburg, Russia

Author:

Dmitrii S. Gorbatov

e-mail: gorbatov.rus@gmail.com

SPIN: 2959-0458

ScopusID: 17345405900

ResearcherID: K-8629-2013

ORCID: 0000-0002-5232-6083

Funding: this publication was supported by the Russian Foundation for Basic Research, grant no. 18-013-00302.

Copyright:

© The Author (2020).

Published by Herzen State Pedagogical University of Russia.

Abstract. This article considers the influence of the first crowd psychology theories on the educational psychology in the Russian Empire. The aim of the research was to reconstruct, historically and psychologically, interpretation of personality and crowd interaction in the context of carrying out some pedagogical impact by that time scientists. A few authors, such as I. Ivanov, P. F. Kapterev and E. I. Lozinsky considered widespread scientific ideas about the crowd's "criminal nature" unreasonable; they disagreed with the postulate about the decline of intelligence and morality in spontaneous crowds and opposed against the common negative interpretation of the leader's image. At the same time, motivated by N. K. Mikhailovsky, S. Sighele, G. Tarde and G. Le Bon's ideas, educators and psychologists attempted to apply concepts of mass imitation, suggestion, infection and, in part, herd mentality to solving educational problems. For instance, they highly appreciated the shift in the understanding of educational influence from the previous paradigm that considered individual relations with "isolated" students to a comprehensive analysis

of interpersonal and group interactions in the school environment. Pre-revolutionary Russian educational psychologists were interested in the following topics: mutual social influence among the participants of the educational process, student crowds and their leaders, crowd influence on the individual, crowd control principles, mass aggression prevention, true leaders and their upbringing. It is emphasised that the break in psychological and educational idea transmission which took place during the Soviet era in the late 19th–early 20th centuries negatively affected the development of Russian education system.

Keywords: first crowd psychology theories, crowd leaders, crowd control, crowd influence on the individual, Russian educational psychology, personality development, crowd and education.

Введение

Первые теории стихийных социальных объединений, основанные на концептах «психологический контагий», «бессознательное подражание», «суггестия», «стадный инстинкт», оказали влияние на развитие отечественной психолого-педагогической мысли конца XIX – начала XX вв. В частности, И. Иванов, П. Ф. Каптерев,

Е. И. Лозинский и другие педагоги обратили внимание на наличие у них несомненного потенциала к применению в практике воспитания. Однако представители российской науки дореволюционного периода не могли согласиться с рядом постулатов антрополого-криминалистической парадигмы в исследованиях толпы. Они не видели оснований к тому,

чтобы рассматривать стихийные социальные объединения исключительно в контексте их «преступной природы», отвергли декларацию о непременном снижении общего уровня интеллекта и морали, высказали несогласие с неизменно негативной характеристикой ситуативных лидеров толпы. По их мнению, предельно далеки от реальности воззрения на «школьную толпу» как на заведомо делинквентное, примитивное, аморальное и стадное скопище, подчиняющееся вожакам из числа отпетых двоечников и ленивых невежд.

Рассмотрим особенности взглядов российских педагогов и психологов на феномен толпы, выделяя положения, признанные в то время релевантными задачам воспитания.

Материалы и методы

Объектом исследования стали материалы ряда публикаций отечественных педагогов и педагогических психологов дореволюционного периода, затрагивающих проблематику стихийных социальных объединений. Предметом – воззрения представителей российской психолого-педагогической мысли конца XIX и начала XX вв. на феномен толпы. Целью исследования явилась историко-психологическая реконструкция интерпретаций учеными того времени взаимоотношений личности и толпы в контексте осуществления педагогических воздействий. В качестве методов исследования использован теоретический анализ психолого-педагогической литературы по данной проблематике, систематизация научных представлений, позволяющая описать признаки выделенных учеными категорий, отразить их связи и основные отношения, историко-функциональный анализ, ориентированный на изучение идей прошлого с учетом общей логики научного развития в рассматриваемый исторический период, а также историко-генетический анализ, предполагающий исследование научного наследия российских педагогов и психологов с учетом социально-исторических

условий со второй половины XIX века по первое десятилетие XX века.

Результаты и их обсуждение

Первые теории толпы одними из российских ученых того времени были восприняты как предпосылка к становлению новой общественной педагогики, в которой сознательные и организованные массы окажут позитивное воздействие на личность ребенка (Лозинский 1900), другие видели в них не более чем научное подтверждение собственным опасениям относительно перспектив участия студенчества в антиправительственных выступлениях (Еленев 1888), третьи оценивали их как основу для организации эффективного управления непослушными скопищами молодежи (Иванов 1901). Так или иначе, опора на эти теории способствовала выходу воспитательного воздействия из привычной парадигмы сугубо индивидуальных взаимоотношений к попытке учета межличностных связей в ученической среде.

Следует отметить, что теории стихийных социальных объединений, получившие отражение в психолого-педагогических публикациях дореволюционного периода, преимущественно разрабатывались в русле так называемой «коллективной психологии» (Горбатов, Большаков 2015). При этом С. Сигеле и Г. Тард выносили на первый план аспект подражания, который, по их мнению, в толпе вызывался или сопровождался внушением – бессознательным усвоением сторонних мыслей, установок и чувств. Эмоциональное и нравственное заражение рассматривалось ими как понятие, совпадающее по смыслу с подражанием (Сигеле 1893). С точки зрения Г. Лебона, подражание являлось лишь составляющим заражения, которое, в свою очередь, относилось к категории последствий восприимчивости к внушению (Лебон 1896). Иное объяснение природы стихийной группы, основанное на понятии стадного инстинкта, наследуемого от животных предков внерассудочного императива, не было распространено (Горбатов,

Большаков 2015). Оно представлено лишь в публикации Ф. П. Еленева, направленной, скорее, на защиту правоохранительных, патриотических и духовных «скреп» в среде студенческой молодежи, чем на осуществление каких-либо научных изысканий (Еленев 1888).

Педагогическая общественность не взаимодействовала с той толпой, которая вне какого-либо анализа социального и ситуативного контекста своего существования была априори описана авторами первых западноевропейских теорий как «преступная», «звериная», «варварская» (Сигеле 1893; Тард 1893; Лебон 1896; и др.). Но студенческие беспорядки и случаи массового протеста и неповиновения школьников не были особенной редкостью. Это заставляло педагогов задуматься об эффективных мерах по профилактике и пресечению такого рода действий.

В качестве базового условия предупреждения массовых беспорядков И. Иванов выделял нравственный авторитет педагога, основывающийся на его профессионализме, стремлении к справедливости, вниманию к проблемам подопечных. Без этого трудно остановить «медленно распространяющийся психологический контагий» (Тард 1893, 5), нередко предшествующий вспышкам коллективного раздражения, заблаговременно устранить его причины и успокоить молодежь (Иванов 1897).

П. Ф. Каптерев рекомендовал уделить особое внимание ситуативным лидерам, без активного участия которых невозможна никакая смута: «Если не находится вожака, то недовольство ничем резким не обнаружится, будут говорить, сетовать... – и только. ...Стоит ему первому крикнуть, свистнуть, бросить жеваной бумагой, и ментально поднимутся адский шум, крики, раздадутся свистки, полетят книги, карандаши, – все, чем можно бросить. Школа валит за вожаком, как полк за знаменосцем» (Каптерев, 1893а, 23).

В отношении стихийного сборища, уже спянного процессами внушения, зараже-

ния и подражания, И. Иванов выделял две тактики. Согласно первой, педагогу следовало отказаться от привычной манеры методичного вразумления, применения логических доводов и проявлений строгости в пользу гипнотически-манипулятивного подхода в русле Г. Лебона. Ведь «чем больше будет в речи оратора энергии, бездоказательных утверждений и образов, способных прельстить пылкое воображение толпы, – писал автор, – тем больший успех увенчает его старания» (Иванов 1897, 403). При этом делался упор на проявления чуткости к динамике коллективного настроения, на демонстрацию полного согласия с общими стремлениями и осуществление резких переходов от абстрактных рассуждений к конкретным примерам, от юмора – к морализаторским сентенциям. Ему представлялось вполне целесообразным на время сыграть роль «вожака» собравшихся, внимательно выслушать и, не противопоставляя себя присутствующим, не противореча им, доходчиво и наглядно указать на преимущества социально одобряемых действий. Отвергая возможные обвинения во включении в педагогический арсенал притворства и лжи, И. Иванов утверждал, что «одухотворенная» толпа, захваченная порывами коллективного бессознательного (Лебон 1896), требует не воспитания, а рассеивания. И если она, как малые дети, недоступна логическим доводам и невменяема, как сошедшие с ума, учитель должен стать нянькой или даже психиатром. Другая тактика воздействия на бунтующее детское скопище, по мнению автора, предполагает изрядное мужество и недюженную энергию начальствующего лица, способного подавить возмущение «грозным окликом», в котором «слышалась такая сила, которая не оставляла бы никаких сомнений в непреклонности принятого педагогом решения и в его полной неспособности остановиться перед какою бы то ни было мерою в случае неповиновения» (Иванов 1897, 404). При этом он подчеркивал, что речь идет о твердой решимости и непре-

клонной воле, а не о демонстрации слабости характера в виде попыток устрашения криками и бранью.

Характеризуя вожаков школьной массы, И. Иванов отмечал, что зачастую ими становятся второгодники и неудачники, лишённые способностей к рассуждению и самоконтролю. Именно они, руководствуясь лозунгом «Не выдавай!», направляют сверстников в сторону, далекую от благих учительских устремлений. Но так бывает только там, где педагоги, изображая активность, пускают дело на самотек или ограничивают усилия пресловутыми «ежовыми рукавицами», не разбираясь в склонностях и слабостях детской души (Иванов 1901). По словам П. Ф. Каптерева, не ленью или невежеством достигают двоечники своего положения во главе школьной толпы, а за счет демонстрации тех качеств, которыми выгодно отличаются от сотоварищей, – ясности понимания ситуации, твердости воли, энергии порывов души. В этом плане развитие их личности уже более чем успешно: «...неужели в школьнике самое ценное – знания, а все прочее не имеет никакого значения? Неужели умение руководить другими, организовывать толпу, подчинять ее своей воле ниже грамматических знаний?» (Каптерев 1893б, 335).

Теории толпы конца XIX века побудили отечественных педагогов задуматься над ролью внушения и подражания в деле воспитания. Если часть из них вполне разделяла описание этих процессов Г. Тардом (Иванов 1897 и др.), то П. Ф. Каптерев не согласился с новомодной трактовкой подражания как гипнотизма (Тард 1892). С его точки зрения, объем знаний о последнем не настолько велик, чтобы можно было пытаться познать неизвестное через его уже знакомые элементы: «Что нам лучше известно: подражание или гипнотизм? С чем мы чаще встречаемся? Что у нас постоянно перед глазами?» (Каптерев 1893а, 27). Объяснению Г. Тарда он предпочел концепцию физиолога Ж. П. Рамбосона, в которой «психическое движение», рас-

пространяясь по нервной системе, становится физиологическим, затем, переходя от одного индивида к другому – физическим, после восприятия вновь физиологическим и т.д. Пытаясь уменьшить ее механистичность, П. Ф. Каптерев утверждал, что правильнее говорить не о переносе исходного состояния, а о воспроизведении состояния одного человека другим на основе фиксации телесных изменений. Таким образом, подражание представляет собой не копирование, а собственную деятельность индивида, его мускульно-двигательную активность, выполняемую в силу воспринятого впечатления.

К предпосылкам подражательности П. Ф. Каптерев отнес установившуюся заранее общность мыслей и чувств индивидов, подражающих окружающим; нервность и отзывчивость на возбуждения как свойства особенно чувствительных натур; а также возрастную неустойчивость детского организма, в котором «все строится, ничего не установилось, поэтому каждое внешнее воздействие легко завладевает им и подчиняет себе, придавая ему на время свой вид и свойства» (Каптерев 1893а, 34).

Детство и юность являются не только возрастными периодами интенсивности процессов подражания и доступности для внушения, но и временем формирования личности, способной противостоять воздействиям других или повести их за собой. Представления ученых о психологии толпы, с одной стороны, содержали описание социального влияния как сочетания внушения, подражания и заражения или же как проявление стадного инстинкта, а, с другой стороны, в самом условном приближении выявили совокупность личностных качеств, обуславливающих независимость социального поведения. Тем самым они выступили в качестве одной из предпосылок к разработке первых в отечественной педагогической психологии концепций лидерства (Е. Л. 1908; Каптерев 1893б; 1901; Лозинский 1900; 1912; и др.).

Описывая тех, кто способен устоять под нивелирующим воздействием стихийного социального объединения, авторы теорий толпы говорили о существовании людей, отличающихся упроченной нравственностью, самостоятельностью ума и независимостью души (Михайловский 1896; Сигеле 1893; Тард 1893; Лебон 1896). Представители отечественной психолого-педагогической мысли направляли свои усилия на выявление закономерностей воспитания подобных личностей, видя в этом залог стабильного развития нации.

П. Ф. Каптерев полагал, что предназначение школы не в том, чтобы стать питомником гениев, аристократов ума, но в устранении препятствий на пути нравственной и интеллектуальной подготовки будущих лидеров массы, готовых повести ее за собой, «пользуясь ею как материалом, одушевляя ее, руководя ею» (Каптерев 1901, 87). Ориентация воспитательных усилий лишь на автоматическую покорность воспрепятствует, утверждал он, развитию энергии ума и твердости воли, а педагогическая направленность на гарантированное усвоение материала посредством большинством неизбежно уменьшит мотивацию и творческий потенциал подлинных талантов.

Стадное по своей природе современное образование, вторил ему Е. И. Лозинский, тотально подавляет дух учащихся, позже становящихся людьми толпы – обладателями обезличенной души и шаблонного мышления, напрочь лишенных подобия инициативы и свободы воли. Педагогиче-

ская схоластика приводит, по его выражению, всех к единому знаменателю, загоняет потенциальных гениев, героев и вождей в Прокрустово ложе дисциплинарных требований, методичек и образовательных программ. В воспитании лидеров, умеющих подчиняться и подчинять, состоит, по мнению Е. И. Лозинского, одна из важнейших целей педагогической науки и практики. И если на протяжении исторического прошлого вожди появлялись случайно, то теперь, оптимистично утверждал он всего за пять лет до революции и гражданской войны, такие личности могут стать продуктом целенаправленного воспитательного воздействия (Лозинский 1912).

Выводы

При несомненном доктринерстве ключевых положений, несистемности анализа, пробелах в доказательствах и иных методологических упущениях теории толпы Н. К. Михайловского, С. Сигеле, Г. Тарда, Г. Лебона предоставили отечественным педагогическим психологам дореволюционного периода определенные возможности для понимания воспитательных аспектов социального влияния, подсказали комплекс действий по профилактике бесчинств «школьной толпы» и управления ею, положили начало исследованиям феномена лидерства. Однако дальнейшие события российской истории нарушили преемственность психолого-педагогической мысли конца XIX – начала XX века. При этом вклад ее представителей в проблематику стихийных социальных объединений надолго оказался забытым.

Литература

- Горбатов, Д. С., Большаков, С. Н. (2015) *Теории толпы в российской психологической мысли конца XIX – начала XX вв.* СПб.: Art-xpress, 108 с.
- Е. Л. (Лозинский, Е.) (1908) Вожди и толпа (социально-психологический очерк). *Вестник воспитания*, № 1, с. 86–124.
- Еленев, Ф. (1888) *Студенческие беспорядки.* СПб.: Общественная польза, 46 с.
- Иванов, И. (1897) Школьная толпа и массовые беспорядки. *Педагогический сборник*, № 8, с. 115–130; № 9, с. 216–240; № 11, с. 401–423.
- Иванов, И. (1901) Преподаватели и воспитатели в деле массового воспитания. *Педагогический сборник*, № 8, с. 75–102.

- Каптерев, П. (1893а) О подражательности в психологическом и педагогическом отношениях. *Образование*, № 7-8, с. 1–41.
- Каптерев, П. (1893б) Толпа и отдельная личность. *Образование*, № 12, с. 330–335.
- Каптерев, П. (1901) Аристократия ума в школе и жизни. *Образование*, № 3, с. 86–102; № 4, с. 1–9.
- Лебон, Г. (1896) *Психология народов и масс*. СПб.: Изд-во Ф. Павленкова, 329 с.
- Лозинский, Е. (1900) Общественно-психологические основы воспитания. *Вестник воспитания*, № 3, с. 1–31.
- Лозинский, Е. (1912) Воспитание вождей. *Педагогический сборник*, № 10, с. 345–366; № 11, с. 457–495; № 12, с. 357–570.
- Михайловский, Н. К. (1896) *Сочинения: в 6 т. Т. 2*. СПб.: Русское богатство, 886 с.
- Сигеле, С. (1893) *Преступная толпа. Опыт коллективной психологии*. СПб.: Изд-во Ф. Павленкова, 116 с.
- Тард, Ж. (1892) *Законы подражания*. СПб.: Изд-во Ф. Павленкова, 370 с.
- Тард, Г. (1893) *Преступления толпы*. Казань: Изд-во Н. Я. Башмакова, 44 с.

References

- E. L. (Lozinskii, E.) (1908) Vozhdi i tolpa (sotsial'no-psikhologicheskii ocherk) [Leaders and the crowd (social and psychological essay)]. *Vestnik vospitaniya*, no. 1. pp. 86–124. (In Russian)
- Elenev, F. (1888) *Studencheskie besporyadki [Student riots]*. Saint Petersburg: Obshchestvennaya pol'za Publ., 46 p. (In Russian)
- Gorbatov, D. S., Bol'shakov, S. N. (2015) *Teorii tolpy v rossiiskoi psikhologicheskoi mysli kontsa XIX – nachala XX vv. [Theories of the crowd in Russian psychological thought of the late 19 – early 20 centuries]*. Saint Petersburg: Art-xpress Publ., 108 p. (In Russian)
- Ivanov, I. (1897) Shkol'naya tolpa i massovye besporyadki [School crowd and riots]. *Pedagogicheskii sbornik*, no. 8, pp. 115–130; no. 9, pp. 216–240; no. 11, pp. 401–423. (In Russian)
- Ivanov, I. (1901) Prepodavateli i vospitateli v dele massovogo vospitaniya [Teachers and educators in mass education]. *Pedagogicheskii sbornik*, no. 8, pp. 75–102. (In Russian)
- Kapterev, P. (1893) O podrazhatel'nosti v psikhologicheskom i pedagogicheskom otnosheniyakh [About imitateness in psychological and pedagogical relations]. *Образование*, no. 7-8, pp. 1–41. (In Russian)
- Kapterev, P. (1893) Tolpa i otdel'naya lichnost' [The crowd and the individual person]. *Образование*, no. 12, pp. 330–335. (In Russian)
- Kapterev, P. (1901) Aristokratiya uma v shkole i zhizni [The aristocracy of the mind in school and life]. *Образование*, no. 3, pp. 86–102; no. 4, pp. 1–9. (In Russian)
- Le Bon, G. (1896) *Psikhologiya narodov i mass [Psychology of peoples and masses]*. Saint Petersburg: F. Pavlenkov Publ., 329 p. (In Russian)
- Lozinskii, E. (1900) Obshchestvenno-psikhologicheskie osnovy vospitaniya [Social and psychological foundations of education]. *Vestnik vospitaniya*, no. 3, pp. 1–31. (In Russian)
- Lozinskii, E. (1912) Vospitanie vozhdai [The education of leaders]. *Pedagogicheskii sbornik*, no. 10, pp. 345–366; no. 11, pp. 457–495; no. 12, pp. 357–570. (In Russian)
- Mikhailovskii, N. K. (1896) *Sochineniya [Writing]. Vol. 2*. Saint Petersburg: Russkoe bogatstvo Publ., 886 p. (In Russian)
- Sighele, S. (1893) *Prestupnaya tolpa. Opyt kollektivnoi psikhologii [Criminal crowd. The experience of collective psychology]*. Saint Petersburg: F. Pavlenkov Publ., 116 p. (In Russian)
- Tarde, G. (1892) *Zakony podrazhaniya [Laws of imitation]*. Saint Petersburg: F. Pavlenkov Publ., 370 p. (In Russian)
- Tarde, G. (1893) *Prestupleniya tolpy [The crimes of crowds]*. Kazan: N. Ya. Bashmakov Publ., 44 p. (In Russian)